

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВОЙНЫ: СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА О ЧЕЧЕНСКИХ ВОЙНАХ В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

NEW CONCEPTION OF WAR: LITERARY CRITICISM ABOUT MODERN BATTLE PROSE DEVOTED TO CHECHEN WARS

L. Belous

Summary. This article gives a general overview of modern battle prose and of literary criticism, devoted to it. The main ideological, psychological and artistic features of new conception of war in «chechen» literature and its critical interpretation are revealed.

Keywords: the war, modern Russian prose, battle prose, criticism, Chechnia, soldier, thriller, genre, ideology, psychology.

Белоус Людмила Владимировна

*К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»
nosu@nosu.ru*

Аннотация. В статье дается общее рассмотрение современной российской военной прозы и посвященной ей критической литературы последних лет. Выявляются основные идеологические, психологические и художественные особенности «новой концепции войны» в «чеченской» литературе и ее литературно-критических интерпретаций.

Ключевые слова: война, современная русская проза, «лейтенантская проза», «новая военная проза», натурализм, критика, Чечня, солдат, боевик, жанр, идеология, деидеологизация, психология.

Тема войны в современном литературном процессе

Литературной критики о батальной прозе последних лет не так много, но наблюдения, сделанные ею, достаточно многоплановы и интересны, поэтому краткий обзор критических материалов о военной прозе последних лет, посвященной чеченским войнам, был бы полезен.

Парадигма оценки качества и количества художественных текстов о войне в текущем литературном процессе колеблется от отрицания влияния батальной тематики на современную литературу до признания ее серьезного значения ее в российской культуре XXI века.

А. Рудалев начинает свою статью о военной «чеченской» прозе с жесткого утверждения: «Полноценной и самодостаточной литературы о чеченской кампании еще нет» [18]. Это было сказано в 2006 г. С тех пор многое изменилось, а высказывание критика явно устарело: подобная литература существует, живет, развивается, причем, разнообразная и интересная.

Н. Перова, директор издательства «Glas», считает, что хороших текстов о войне немало, но общество не хочет уделять им внимание: «Сейчас так мало действительно сильных впечатлений, что человека можно пронять только войной. И лучшие образцы современной прозы нередко являются произведениями о войне. Другое дело, что мы почти не видим такую прозу. Это происходит, наверное, потому, что общество не хочет читать о тяжелом, требующем душевного отклика» [13].

А в предисловии к циклу статей о современной военной прозе сказано, что молодые авторы не пишут о войне постольку, поскольку не имеют личного опыта. Но и наличия последнего иногда бывает недостаточно, так как СМИ слишком замусолили тему последних войн, тем самым отвратив от нее серьезных писателей, хорошо осознающих нежелание читателя возвращаться к военной тематике в принципе [14].

Конечно, военная тема могла бы быть представлена в современной российской литературе более богато, но не следует забывать об объективных закономерностях литературного процесса. И критик В. Березин уверен, что проблема состоит в том, что «после боя можно писать рапорты» [7], а художественные произведения создаются через достаточно длинные временные промежутки. Критик убедительно и аргументированно подводит читателя к мысли, что Великая Отечественная война была большой общенациональной бедой, а теперь, строго говоря, поголовной мобилизации нет, и войны последних десятилетий затронули лишь незначительный процент населения. Поэтому и текстов о войнах радикально меньше, и качество их ниже.

В некоторой ирреальности (для усредненного литературного сознания) всех войн после Великой Отечественной видит причину отсутствия пристального интереса литературы к военной тематике А. Кабаков: «Та война была безусловной — по целям, масштабу, отношению к ней участников. То была Война с большой буквы — и не только потому, что называлась Отечественной. Люди на той войне большею частью не отделяли себя от происходившего, и потому она стала не только экзистенциальным, но и, решусь сказать, духовно-религиоз-

ным опытом и для простых участников, и для писателей, взявших ее темой или хотя бы фоном своих сочинений. В той войне все участвовали и все несли вину за нее» [15]. Впоследствии войны становились все более «непонятными» и «странными», а их цели — отчужденными от общества и индивида.

Идейная тенденция новой военной прозы

Показателен такой факт. Если для воевавших в Чечне все случившееся там — война, то чиновники, как военные, так и гражданские, предпочитали называть чеченские события иначе: «контртеррористическая операция», «восстановление конституционного порядка», «чеченская кампания» [11].

Дело война в современных текстах о войне проиграно заранее, потому что оправдать войну невозможно, и никто из современных авторов даже не пытается этого делать: «Эта чисто современная, сравнительно недавняя концепция войны нова для нас, со школы привыкших видеть в войне высокий подвиг богатырей Куликовской, Бородинской, Сталинградской. Война для традиционного сознания — это ратное дело, столь же благородное и извечное, как какое-нибудь кузнечное или земледельческое» [17].

В книгах о Великой Отечественной войне часто авторы показывали ситуации, в которых война выявляет достоинства и слабости человека, как бы проверяет его на прочность. Из современных авторов, пишущих о чеченских событиях, этот прием использует, пожалуй, только А. Проханов. Для большинства писателей в новой войне все перепуталось: чеченцы могут воевать в российском спецназе, взрывать себя вместе с русским полицейским, чтобы не дать полевым командирам завладеть складом с оружием и так далее.

В годы Великой Отечественной все-таки были стойкие представления о долге; новые войны описаны так, что читателю дают понять: сытый, одетый, умытый, обеспеченный солдат воевал бы гораздо лучше. То есть, боевые действия — это работа, профессия, а не долг. В этом смысле крайне интересен вопрос, поставленный В. Пустовой: «Должен ли... стремиться к окончанию войны профессионал, которому за каждый день конфликта набегают гонорар?» [17].

В. Пустовая считает наиболее явным предшественником современного подхода к военной тематике Виктора Некрасова. Его стремление к документальности, к фиксации правды о войне (т.н. «окопной» правде) позаимствовали и развили многие молодые авторы. Критик настаивает на том, что сегодняшние авторы «военной»

прозы деидеологизируют битвы, показывая войну как заведомо и бесспорно античеловеческое явление [17].

Очень важной особенностью изображения войны сегодняшними авторами является восприятие пространства, охваченного боевыми действиями, как чужого, грязного, неприемлемого, причем «профессионально-этические идеалы армии оказались сегодня окарикатурены, осмеяны, скомпрометированы в практике жизни и в народном сознании» [17]. В частности, что касается вечной армейской темы дедовщины, то многие авторы показывают, что молодые воины терпят унижения и лишения в надежде на то, что в будущем сами смогут помыкать вновь прибывшими.

Основоположником «чеченской» военной прозы считается Аркадий Бабченко. Он был первым, кто посмел писать о Чечне не с журналистскими и публицистическими целями, а с желанием художественными средствами воплотить на бумаге пережитый опыт. В. Пустовая говорит об этом очень объемно: «Текст, значимый как свидетельство очевидца, текст, лежащий на стол цельным куском боевой земли, текст-крик — разве анализ его не превратился бы в откровенное надругательство над предъявленной в нем болью? Бабченко был подавлен реальностью войны. Полз по войне таким придавленным куском зеркала и — отражал» [17].

Если Л. Довлеткиреева предлагает называть появившиеся в последние десятилетия художественные тексты о чеченских событиях «новой военной прозой», что вполне оправдано и верно [11], то другие исследователи подобной литературы не согласны с причислением ее к художественной словесности в принципе. Некоторые критики и читатели обвиняют современные тексты о чеченских событиях как раз в отсутствии художественной пластичности, в излишнем натурализме, в чрезмерном внимании к микрокосму военного пространства в ущерб общему историческому осмыслению событий, в спекуляции на инстинктах и психологических феноменах порой при явном отсутствии нравственно-этического взгляда на изображаемый предмет.

Другие, однако, склонны считать, что именно эти качества «военных» текстов востребованы большинством читателей, обращающихся сегодня к этой теме, потому что именно они гарантируют рассматриваемой литературе эмпирическую достоверность и убедительность; что эти тексты ценны именно своей необработанностью и кондовой простотой, что тем самым и вскрывается одиозная сущность войны.

В большинстве текстов, авторами которых являются прошедшие войну ребята, непосредственные свидетели и участники событий, «война показана в новом для рос-

сийского читателя ракурсе: война по своей сути, вообще, без ура-патриотического и пафосного антуража, безотносительно к долгу защитника или осуждению агрессора, место и время действия, вроде бы, и конкретны, но в то же время как бы второстепенны. И в восприятии персонажей и их создателей она предстает как бесцельное, безыдейное, безусловное зло, где доминирующими чувствами становятся страх, одиночество и незащищенность» [11].

Отличительной чертой «новой военной прозы» по сравнению с т.н. «лейтенантской» литературой второй половины XX века является отсутствие героев в изначальном смысле этого слова: сильных, мужественных патриотов, готовых жертвовать собой ради Отечества, не сомневающих в том, что эта жертва необходима, вызывающих восхищение многими своими качествами: стремлением к подвигу, умением забывать о себе, стойкостью и бесстрашием. Л. Довлеткиреева по этому поводу пишет: «Казалось бы, перед лицом опасности, в критической, пограничной ситуации индивид должен раскрыться — какой он есть на самом деле, и не только для других, но и для самого себя. Однако вместо ожидаемой индивидуализации происходит полное обезличивание (...каждый поступает так, как поступают остальные, превращаясь в «серую, однотонную» массу), очень быстро приходит осознание своей ничтожности перед грубой силой войны» [11].

Это верно, но лишь отчасти: в ряде текстов есть истинные герои, которые умеют в нужный момент мобилироваться, выказать лучшие качества русского солдата вплоть до самопожертвования. Вот только делают они это не для Отечества. Чаще — для друзей, из чувства дружбы, «окопного братства»: патриотизма как такового в современной прозе о Чечне практически нет. Родина — не мать, а мачеха. И ее чаще укоряют и обвиняют в цинизме, чем хотят защитить. Недоумение перед необходимостью воевать, непонимание целей, ощущение абсурдности происходящего вытесняют то светлое чувство к собственной стране, о котором пелось в знаменитой песне «С чего начинается Родина?». Актуализируется представление о государстве как инструменте насилия, как безликой и холодной трансцендентной воли, а понятие Родины утрачивает эмпирические аспекты.

Метафорично и емко сказано об этом Л. Довлеткиреевой: «Разве это твоя страна, если тебе приходится по ней ползать, а не ходить?» [11]. Между тем ряд других наблюдений и выводов Л. Довлеткиреевой вызывают вопросы. Критик всячески акцентирует обезличивание тех, кто принимает в ней участие. Но фактический материал подтверждает обратное: налицо целая галерея ярких и запоминающихся героев, харизматичность и отчетливая индивидуальность которых придают их гибели особую чувствительность.

Л. Довлеткиреева настаивает на еще одной психологической черте воина, описанного в современных текстах: она говорит, что русским солдатам становится свойственна неуверенность в правоте своего дела, что они вынуждены «взращивать в себе чувство ненависти к народу и земле, к которым они, в принципе, безразличны, языка, законов и обычаев которых они не знают и разницу культур затрудняются определить или понимают искаженно» [11].

На наш взгляд, очевидно, что неуверенность в своей правоте во многом обусловлена именно «странным» характером этой войны, которой присущи, при всей культурной разнице воюющих сторон, черты гражданской, братоубийственной войны. То, что герои современной прозы даже для себя самих не могут объяснить причины своего пребывания в Чечне, больше, чем что-либо иное, работает на антивоенную тенденцию и разоблачает антиисторическую сущность данной конкретной войны.

В обширной статье о современной военной прозе Л. Довлеткиреева пишет: «Даже воспетое Ремарком «фронтное братство» незнакомо бойцам новых войн» [11]. Невозможно с этим согласиться. В подавляющем большинстве текстов, объединенных темой чеченской войны, именно фронтное братство, желание защитить ребят, воюющих рядом, становится, как мы уже заметили выше, побудительным мотивом героического поведения русских бойцов. Можно сказать, что на место Родины становится друг, или что Родина и родной народ сжимается до пределов роты, взвода, отделения, даже отдельных сослуживцев.

КОМПОЗИЦИОННО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПСИХОЛОГИЗМ ЖАНРА

Особенность батальных произведений XXI века, что совершенно нетипично для прозы о Великой Отечественной войне, — это описания бездарных действий командования, бесчеловечности офицеров, их непрофессионализма, разгула дедовщины и иных видов так называемых неуставных отношений, равнодушия государства к быту российской армии, ведущей боевые действия.

В конце концов, благодаря именно такому отношению война для ее участников, если верить авторам современной батальной литературы, никогда не заканчивается. Достаточно большое количество художественных произведений соответствующей тематики повествует именно о том, как не смогли себя найти в мирной послевоенной жизни ребята, которые были сломлены Чечней.

«Специфичными чертами нарратива современной батальной прозы, — пишет Д. Аристов, — являются конфликтные взаимоотношения писателя и читателя, ирре-

альный хронотоп, тотальная дегероизация, акцентирование абсурдности и бессмысленности происходящего» [5]. Описание военных будней не обходится без выделения традиционных для батального жанра противоречий, в частности, конфликта между «окопом» и «штабом», идущего от Л. Н. Толстого и представленного в текстах В. Миронова, З. Прилепина, А. Бабченко, А. Карасева).

Сходство описания военных будней в «лейтенантской» и современной «окопной» литературе проявляется в повествовательных принципах: в пониженной беллетристичности, в подчеркнутом автобиографизме, в повествовании от первого лица, в склонности к натуралистическим приемам изображения окружающего мира. Однако обнаруженная на разных уровнях общность творчества авторов «лейтенантской прозы» и современных прозаиков отнюдь не ведет к полному сходству их идейно-эстетических принципов, близости концепций мира и личности.

В новой военной прозе, описывающей локальные конфликты, именно личное участие и точность в изображении военного быта приобретают первостепенное значение. В этом смысле показательно заглавие книги В. Миронова «Я был на этой войне», где употребление местоимения «я» «манифестирует первостепенность модальности личного присутствия» [5].

В батальной литературе можно рассмотреть еще один специфический дискурс, связанный с конфликтными отношениями между неволевающим читателем и волевающим автором, который тем самым как бы заслуживает право на презрение к «тыловым» и «гражданским», ибо с их молчаливого согласия часть народа превращена в пушечное мясо. Многие авторы открыто высказывают свое негодование по поводу того, что читатели не участвовали в антивоенных митингах, не собирали средства для помощи своим воинам, отворачивались от поездов, в которых ребят везли к месту военных баталий. Чтение в данном контексте может служить — с точки зрения повествователя — формой покаяния или компенсации за моральный и физический ущерб, нанесенный войной значительной части современников.

Повествование современных авторов интровертивно, сам факт обращения к писательскому труду служит своеобразным способом излечения от травмы, при этом функции читателя как соучастника и друга не исключаются, читатель — один из представителей тех, кого волевающие авторы вводят в понятие «врага». Противостояние не только официальной идеологии или доминирующей художественной системе, но и читателю выводит многих батальных авторов из актуального литературного процесса. Показательно, что большой пласт современной военной прозы, как, впрочем, и критики о ней, размещен в виртуальном пространстве Интернета.

Наиболее типичный мотив современного повествования о войне — история человека, чаще всего помимо его воли заброшенного в пограничную ситуацию жизни и смерти. Войну он рассматривает как насилие над своей человеческой природой. Соответственно, в современной военной прозе типажи отцов-командиров практически отсутствуют или подвергаются переосмыслению. В прозе А. Бабченко и А. Карасева командиры названы «шакалами», их методы воспитания сравниваются с «фашистскими». В целом отсутствие системы нравственно-этических координат для героев, где высшими ценностями являются дружба, любовь, отличает современных баталистов не только от отечественной прозы прошлого, но и от западной прозы так называемого «потерянного поколения» (Э. Хемингуэй, Э. М. Ремарк, А. Барбюс, Р. Олдингтон и др.).

«В современной военной прозе,— замечает Д. Аристов,— нет четкого образа противника. Внутренние импульсы действий противников, их психология остаются малопонятными современному солдату, обеспокоенному собственными переживаниями и мотивировками» [5].

В большинстве случаев в истории России враг всегда приходил из-за границы, из чужого пространства. Однако войны, вызванные распадом СССР, показали, что граница своего и чужого может возникнуть внутри страны. Братоубийственное разделение на «своих» и «чужих» в современной военной прозе становится драматичнее, чем в литературе прошлых десятилетий.

Пространство В. Миронова, А. Бабченко, З. Прилепина — пейзаж, лейтмотивами описания которого становятся болото и грязь. Этот пейзаж идеологически нагружен: он представляет собой устойчивую аллгорию современной войны и внутреннего состояния самого повествователя. «Болото, где, как в точке, сворачиваются время и пространство, где не разделены две стихии — вода (жизнь) и земля (смерть), является аллгорией хаоса войны. Подобно болоту, война засасывает человека и уже не отпускает» [5].

Сюжет в традиционном понимании во многих современных батальных текстах отсутствует или носит формальный характер — авторефлексия героя поглощает событийный план, являющийся лишь фоном для изображения внутреннего состояния. Перед читателем предстает хроникальная запись событий, фрагментов, которые не поддаются выстраиванию в линейную, хронологически обоснованную логическую цепочку, коллаж из воспоминаний, рефлексий, раздумий. «Фрагментарность повествования объясняется и влиянием телевизионных законов. Они оспаривают традиционную линейность представления реальности, рождая образ мира, в котором отсутствуют последовательность и взаимосвязанность» [5].

О перспективах развития жанра

Есть основания полагать, что батальная проза будет значительно трансформироваться, серьезно изменится основная концепция взаимодействия войны и человека. Новые очаги напряженности, вооруженных конфликтов, которых уже немало случилось после описанных в материале чеченских событий, неизменно вызовут сначала необходимость совершения ратных подвигов, а потом столь же острую потребность описать эти подвиги художественно. Здесь огромное значение имеет фактор осознания того, что война идет за правое дело, чего участникам чеченских батальонов категорически не хватало. Южная Осетия, Донбасс, Сирия станут объектами художественного осмысления. Южная Осетия уже доста-

точно интересно представлена в творчестве непосредственного участника обеих войн с Грузией Тамерлана Тадтаева.

Батальная проза имеет шанс осмыслить и отразить новые тенденции, описать процесс «вставания с колен», связанный с тем, что вооруженный человек, профессионал ратного дела был не субъектом истории, а страдательным оружием политиков и крупных бизнесменов, редко учитывавших моральные и этические вопросы того кровопролития, которое было порождено их личными меркантильными интересами. И тогда, возможно, патриотические настроения можно будет изучать по батальной прозе, как это было в годы Великой отечественной и сразу после.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристов Д. Военная проза 1990–2000-х годов: генезис и поэтика // Вестник Томского государственного педагогического университета. — Томск, 2010. Вып. 8 (98). С. 133–137 (в соавторстве с М. П. Абашевой).
2. Аристов Д. О природе реализма в современной русской прозе о войне (2000-е годы) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2011. Вып. 2 (14). С. 169–175.
3. Аристов Д. Концепция героического в прозе Захара Прилепина (роман «Патологии») // Известия Уральского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». Екатеринбург, 2012. № 2 (102). С. 26–36.
4. Аристов Д. Новая «окопная правда» (традиции и новаторство в современной русской прозе о войне) // Филологический класс. — Екб., 2010. № 23. С. 30–35.
5. Аристов Д. Русская батальная проза 2000-х годов: традиции и трансформация. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Пермь, 2013 // <http://vak.ed.gov.ru> ИЛИ <http://www.psu.ru/>
6. Аристов Д. Странности современной войны. Рассказ З. Прилепина «Сержант» // Русский рассказ третьего тысячелетия: книга для ученика и учителя: сборник текстов рассказов и статей / под. ред. В. Е. Кайгородовой; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2011. С. 40–49.
7. Березин В. Проза времен всеобщей воинской обязанности // Литература и война // Знамя. 2000. № 5 // <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/5/konf.html>
8. Бродски А. (перевод с английского Е. Калашниковой). Чеченская война в зеркале современной российской литературы // <http://nlo.magazine.ru/dog/gent/gent116.html>
9. Выговская Н. С. Молодая военная проза второй половины 1990 — начала 2000-х гг.: имена и тенденции: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 — М., 2009. — 194 с.
10. Гликман К. Новый, талантливый, но... Захар Прилепин // Вопросы литературы. 2011. № 2. С. 189.
11. Довлеткиреева Л. Война в Чечне: параллельный взгляд изнутри // Дружба народов. 2008. № 7 // <http://www.nana-journal.ru/home/124-the-war-in-chechnya.html>
12. Евдокимова М. П. «Случилась еще одна — чеченская...» (о романах А. Проханова «Чеченский блюз» и «Идущие в ночи») // Теория и практика общественного развития. 2007. № 2. С. 50–53.
13. Есть ли у нас достойные книги о современной армии? // Литературная Россия. 2007. 2 марта. № 9 // <http://www.litrossia.ru/archive/item/1709-oldarchive>
14. Литература и война // Знамя. 2000. № 5 // <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/5/konf.html>
15. Кабаков А. Всеобщая воинская невинность // Литература и война // Знамя. 2000. № 5 // <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/5/konf.html>
16. Кулагин Ю. Чечены // Кулагин Ю. Хроника выживания // <http://sonicboom.narod.ru/postscriptum.htm>
17. Пустовая В. Человек с ружьем: смертник, бунтарь, писатель // http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2005/5/пу9.html
18. Рудалев А. Обыкновенная война. Проза о чеченской кампании // Дружба народов. 2006. № 5 // <http://www.zaharprilepin.ru/ru/pressa/patologii/drujbanarodov.html>
19. Садулаев Г. Шалинский рейд // Филолог. № 17. 2011. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_17_350
20. Современная «окопная правда»: герой, сюжет, конфликт // Литература сегодня: знаковые фигуры, жанры, символические образы: материалы XV научно-практической конф. Екб, 2011. С. 29–32.

© Белоус Людмила Владимировна (nosu@nosu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»